

УДК 001

Левашев Дмитрий Николаевич

соискатель кафедры философии и социологии,

Адыгейский государственный университет

levashev@mghpu.ru

Dmitry N. Levashev

Degree-seeking Student of the Department of philosophy and sociology,

Adyghe State University

levashev@mghpu.ru

**Архаизация правового поведения в российском обществе:
институциональный аспект**

Archaization of legal behavior in Russian society: institutional aspect

***Аннотация.** В предлагаемой статье анализу подвергается институциональный аспект архаизации правового поведения в российском обществе. В контексте рассуждений автора статьи слабость института права в российском обществе выражается в том, что, являясь формально базисным в функционировании системы общественных отношений, институт права, выполняя регулятивную функцию в сфере отношений между личностью и государством, не влияет на повседневные практики россиян, что способствует архаизации правового поведения, как поведения, ориентированного на придание регулятивного воздействия коллективным (архаичным) образцам и стереотипам.*

***Ключевые слова:** институт права, архаизация правового поведения, образцы, стереотипы, регулятивная функция права.*

***Abstract.** In the offered article the institutional aspect of an archaization of legal behavior in the Russian society is exposed to the analysis. In the context of reasonings of the author of article weakness of institute of the right in the Russian society is expressed that, being formally basic in functioning of system of the public relations, institute of the right, carrying out regulatory function in the sphere of the relations between the personality and the state, doesn't influence on daily practics of Russians that promotes an archaization of legal behavior as the behavior focused on giving of regulatory influence to collective (archaic) samples and stereotypes.*

***Keywords:** institute of the right, an archaization of legal behavior, samples, stereotypes, regulatory function it is right.*

Институт права воспринимался «на заре» социальных преобразований российского общества как наиболее значимый, базовый

наряду с институтом частной собственности и рынка фактором социальной трансформации российского общества, перехода от модели догоняющего развития к формуле современного правового государства и общества. Отмечая, что институт права в российском обществе закрепился в качестве неотъемлемого элемента институциональной системы, можно вместе с тем говорить, что фиксируемое российскими социологами, в частности Б. В. Дубиным и Л. Д. Гудковым, несоответствие формальных институтов и моделей социального действия (схема abortивной модернизации) настаивает на том, что в российском обществе модернизационное действие права так и не проявилось в полной мере. Причины видятся в том, что в плане социальной организации наблюдалась не дифференциация функций и форм социального взаимодействия, не их институционализация, а продолжающийся процесс фрагментации социальных укладов и изоляция их фрагментов. [1, с. 34]

Согласно этой же позиции, самозначимость права или действия права не связаны с моралью, не поддерживаются моралью. Таким образом, институт права оказывается лишенным смысловой поддержки и, в соответствии с этим, выстраивается иерархия партикуляристских представлений о качествах и правах людей и их неравенстве по доступу к правовым ресурсам. Иными словами, институт права оказывается зависшим в вакууме, в отрыве от представлений о праве, от ценностных ресурсов и может восприниматься только как институт инструментального действия, на который не накладываются содержательные ограничения.

Неэффективность и положения института права, таким образом, определяются только тем шатким консенсусом, который может сложиться между властью и подданными по поводу безграничного использования права властью в качестве государственного принуждения. Нам представляется, что предлагаемая объяснительная модель ставит вопрос о том, как выявить логику архаизации права и в этом смысле предлагаемая В. Федотовой позиция [2, С.41] связана с тем, что Россия получила такой удар капитализма, от которого не может оправиться, то есть теоретическим допущением является выстраивание стратегии противостояния хаоса как стратегии архаизации, неостребованности потенциала профессионализма и социально-экономической активности тех слоев и групп, которые располагают этим потенциалом. [3, с.44]

Исходя из того, что доверие к институту права находится на низком уровне поддержки (в пределах 3 %), [4, с.85] уступает по влиянию, собственно, государственным институтам (средний бал – 3,3), показывает, что удовлетворительная оценка открывает коридор возможностей для свободной интерпретации отношений к праву, то есть, не отрицая в целом влияние права на отношение личности и государства, на деятельность органов государственного управления, допускается, что существует сфера неприменимости права, что правовые нормы не могут осмысливаться как

универсальные, уступающие по влиянию партикуляристским частичным нормам регуляторам общественной жизни.

Можно констатировать, что архаизация правового поведения проявляется, с одной стороны, в массовом сознании, которое воспринимает частную собственность, закрепленную в правовом порядке как общую, ничейную или потенциально подлежащую возврату государству, и собственников, для которых не составляет сложности рейдерство, захват, передел чужой собственности и обмен собственности на активы, отказ от обязательства быть эффективным собственником.

Таким образом, архаизация правового поведения имеет в основе сегментированную институциональную среду. Имеется в виду, что институт права выполняет регулирующее значение избирательно и дифференцированно по отношению к различным слоям общества. Это приводит к тому, что частные партикулярные нормы могут обрести роль доминантных или выступить в качестве конкурентных по сравнению с правовыми нормами. Реально это закрепляется тем фактом, что 49 % россиян, хотя и признают, что обеспечивать благополучие народа могут надежно действующие законы, [4] в правовом поведении для них обращение в судебные органы, хотя и стало привычкой, не воспринимается как эффективное доказательство правового поведения. Речь идет о том, что вступление в правовое поле сопровождается подстраховками на тот случай, когда закон не является реально действующим. Это выражается в том, что для большинства россиян не меньшее значение, чем реально действующие законы имеет человеческий фактор, то, что является качествами человека, выступающего от имени закона.

Исследуя архаизацию правового поведения в институциональном аспекте, обращает внимание тот факт, что институт права не воспринимается россиянами как институт вертикальной мобильности, то, что россияне не воспринимают соблюдение правовых обязанностей в качестве инструмента повышения социального статуса. Между тем, можно говорить о том, что в массовом восприятии существуют опасения, что на государство и государственную политику оказывают влияние в большей степени неправовые факторы, в частности речь идет об усилении влияния церкви не только как института духовности, но и регулятивного института. Такая настороженность проявляется у 16 % россиян. [4, с.128]

Можно предположить, что для российского общества институт права не имеет ключевого значения как институт регулирования общественных социальных отношений, как институт порядка. К тому же, конфликт интересов в российском обществе приводит к тому, что некоторые этнические и профессиональные группы воспринимаются как выпадающие из правового поля. Проявление так называемой этнической преступности или бытовых конфликтов на национальной почве интерпретируется в

качестве либерализации права по отношению к отдельным группам населения.

Можно также говорить о том, что институт права функционирует в условиях слабого влияния общественной морали, а правовые нормы не приняли характер универсальных ценностей. Хотя партикулярные нормы охватывают лишь часть макросоциальных отношений, нам представляется, что архаизация выступает своеобразным результатом рационализации индивидуализации правового поведения; рационализации в том, что имеет инструментально-активистскую направленность и связано с обретением определенных социальных благ и компенсацией ограниченного доступа к правовым ресурсам; с другой – индивидуализация создает предпосылки к тому, чтобы обращаться к архаизации как к окну возможности поддерживать коллективные претензии в правовой сфере.

Также следует отметить, что формирование интересов внутри института права имеет социальным последствием, что ни одна из групп, претендующих на правовые ресурсы, не стремится к балансу интересов. Приоритетной является позиция овладения большими правовыми ресурсами, а, следовательно, и правовой защищенностью. Также, несмотря на то, что институт права в российском обществе вводит новые способы управления и контроля, консенсус интересов возможен только в рамках отношений с государством, в то время как отчуждение от права определяется тем, что соответствует действительному поведению, а не тем, что предусматривает модель правомерного поведения.

Рассматривая архаизацию правового поведения в широком институциональном контексте, можно говорить о том, что регламентирующее влияние государства уменьшилось, но господствует мнение, благодаря которому восстановление статуса права возможно только при сильном государстве. Поэтому право не воспринимается как суверенный институт и понимание права связывается со справедливостью или несправедливостью законов, издаваемых и вводимых в действие от имени государства.

Также необходимо отметить, что концепция свободы остерегает от чрезмерного обращения к архаизации. Группы, испытывающие ксенофобии и требующие введения эквивалентных частных порядков для россиян, осторожны в том, чтобы эти порядки ограничивали их осознание как свободных людей, и не допускают декретирования или насаждения обычаев с какой бы стороны это не исходило, даже из авторитета церкви. Вот почему в анализе архаизации правового поведения следует отметить, что институт права в этой связи воспринимается двояко: с одной стороны, как недостаточно авторитетный, с другой – сдерживающий возможности возвращения к тотальному контролю, к сужению приватной сферы.

Можно предположить, что такая ситуация соответствует сложившемуся в обществе эффекту двойной игры в право, что выражается

в том, что институт права вполне соответствует запросу на рационализацию и индивидуализацию, но так как отстает, не адаптирован, предъявляет требования обязанностей и ответственности, не может восприниматься как абсолютно приоритетный. В.Г. Федотова основывается на том, что Россия представляет собой сегодня традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено. [5, с.137] Взаимодействие традиционной «современной» и «разрушенной» частей, сосуществующих совместно и одновременно, создает потребность в самоуважении. [5, с.139] Речь идет, следовательно, об определенных нормах и правилах и о том, что архаизация может быть только промежуточным этапом по отношению к становлению институтов как совпадения межсубъективных коллективных представлений.

Можно предположить, что дефицит ресурсов права является результатом ускоренного развития этого института, несоответствия социально-правовой ситуации, сложившейся в российском обществе. Для нее действительно характерна опережающая модернизация. Речь идет о том, с известной долей условности институт права можно назвать бюрократическим, институтом, углублению неравенства, в доступе к ресурсам которого способствовала и сложившаяся система распределения должностных ресурсов и положения института права в институциональной системе как института демонстративного, выполняющего определенную роль по легализации сложившихся отношений личности и государства.

Таким образом, в российском обществе сформировался стабильно воспроизводимый тип рационального человека как модальный, но при том, что был утрачен немалый человеческий потенциал, накопленный за советский период, [3, с.43] ориентированы на адаптацию в значительные слои российского общества, видели в праве и окно возможностей, и, одновременно, барьер поведенческим стратегиям при дефиците социальных ресурсов. Характерно, что россияне достаточно скептически относятся к тому, что люди в России в большинстве своем относятся к себе с уважением, обладают чувством собственного достоинства, хотя таковых насчитывается 55 %. [4, с. 16]

Право не задействовано как инструмент самоуважения, а уважение и достоинство в большей степени проецируются на отношения близкого круга, что сужает возможности воздействия этических норм как основы права. Уважение не воспринимается как правовая категория, а ее моральность, закреплённость за этической средой приводят к актуализации архаического наследия. Можно констатировать, что именно недостаток права как сферы реализации стремления к уважению и самоуважению, чувству гордости приводит к самолегитимации архаичных установок. Особенно это касается межпоколенческого диалога, где неправовые воззрения среди старшего поколения связаны с тем, что право не воспринимается как норма, обосновывающая уважение к человеку и ссылки на старые времена, когда стариков уважали, имеет и культурно-

символическое, и социальное значение в том, что одобряется неправоное поведение, связанное с реализацией формулы уважения к старшим. К тому же, молодежь воспринимается как абсолютно прагматичное, действующее поколение, для которых действие правовых норм является возможностью несоблюдения собственных, закрепленных традиций и обязанностей и ресурсного выбора путем ущемления старшего поколения.

Право так и не стало регулятором межличностной сферы. На эту особенность следует обратить внимание, поскольку архаизация правового поведения, прежде всего, замыкается на социальном микроуровне, связано с социальной дезориентацией общества, с потерей этической среды. Для анализа сложившейся ситуации характерно и то, что общественные ожидания по поводу лучшей жизни не связываются с правом, также как и правовые ресурсы не относятся к запасу прочности населения.

Можно также говорить о том, что институт права, направленный в основном на публичный дискурс, применение на макроуровне, не является ограничителем архаизации правового поведения, поскольку встроенность в вертикальную систему сужает возможности горизонтального социального контроля, а приоритет, возросшая значимость уважения и самоуважения в контексте индивидуализации жизненного поведения не воспринимается как сфера правового регулирования и, следовательно, правового поведения. Правовое поведение воспринимается, таким образом, как поведение, направленное на формальное соблюдение правовых норм и не связанное преимущественно отношениями с государством или в официальном дискурсе (отношения с руководителями, отношения с коллегами).

Между тем, микроуровневый эффект архаизации правового поведения содержит влияние на макросистемный уровень, поскольку само понятие надежности института права и ассоциируемого с ним надежности законов подвергается сомнению. Важно, что в этом смысле 44 % россиян уверены в том, что главной задачей президента и правительства является предоставить людям свободу заниматься своими делами и следить только за тем, чтобы они не нарушали закон. [4, с. 59] Эта формулировка содержит двойственный смысл: с одной стороны, обозначается осознание того, что общество нуждается в исполнении законов, но, учитывая разделенность права и закона, это отношение фиксируется исключительно к соблюдению правовой дистанции в отношениях с государством. Важнее то, что, с другой стороны, предоставить людям свободу заниматься своими делами означает фактически ориентацию на расширение сферы приватной жизни и передел правового влияния в пользу социального микроуровня.

Институт права содержит эффект стимулирования архаизации правового поведения в российском обществе в том смысле, что создает образцы правового поведения, которые являются допускающими отклонения. Правовая система является системой развитого специализированного воздействия (Гражданский кодекс,

Административный кодекс, Уголовный кодекс и другие кодексы). При «порядке» ограниченного доступа к правовым ресурсам определяющим является личное знание, то есть способность интерпретировать законы, и для поддержания этих характеристик допускаются различные предварительные условия для существования права. Следовательно, не обеспечивается тот эффект, который Д. Норт называет порядком открытого доступа, который направлен на соблюдение гражданских прав и выполнение контрактов. [6, с. 211]

Также можно говорить о том, что в современных условиях надо отдавать отчет о том, что паллиативные правовые меры не устраняют коллизии между правовым поведением, правоприменением и практикой нормотворчества. Формула о введении и сохранении функционирования демократических институтов, которые обеспечивают защиту правовых принципов, только запутывают обывателя, порождают неверие в возможность «справедливого» применения права. [7, с. 69] К этому нужно добавить еще характерную для России фрагментированность и сегментированность общества, порождающего эффект отторжения универсального понимания правовых норм.

Итак, можно говорить о том, что архаизации имеет институциональные основания в отсутствии мягкой институциональной среды, позволяющей обеспечить взаимодействие правового института и общества в том, что слабость института права выражается в срединном положении, в субдоминантности по отношению к институтам порядка. Институт права выступает гарантом организованного правопорядка, но не имеет уровня институционального доверия, чтобы говорить о его доминантности по отношению к институтам порядка (правоохранительные структуры). Поэтому очевиден эффект неавторитетности права по отношению к влиянию на правовое поведение как модальной формуле. Тем более, на этот факт также воздействуют ограничители правового поведения, связанные с тем, что по отношению к отдельным группам адресуется определение неправовых, и институт права воспринимается исключительно как институт получения правовых послаблений или правовых преимуществ.

В этом контексте архаизация правового поведения допускается и избирательно, и в качестве утраченных коллективных требований в обществе, которое испытало влияние детрадиционализации. Согласно результатам социологических исследований, в российском обществе понятие «порядок» хотя и является доминирующим, имеется в виду, что понимание порядка интерпретируется как создание условий, как состояние, которое, хотя и идеально в смысле справедливости и разумности, но немаловажным фактором является то, что право не рассматривается как инструмент формирования гражданского общества и защиты гражданских прав.

При том, что 60 % россиян руководствуются логикой защиты интересов своей семьи или собственных интересов (20%), [8, с. 265] можно предположить, что по отношению к праву существуют значимые расхождения. Их значимость заключается в том, что если для ориентированной на современность части общества (15 – 20 %) правовые нормы являются естественными и безличное воздействие права создает определенный социальный комфорт, остальная часть населения затрудняется видеть в праве безальтернативную форму социальной регуляции. Кроме того, правовое поведение ситуативно и рассматривается в контексте достижения повышения определенных жизненных шансов.

Восприятие правового поведения на социальном микроуровне является выбором личности: если признается необходимость укрепления правовых начал в отношении государства, то это положение не относится к приватной сфере, где сложился устойчивый анархический комплекс. Можно также говорить и о том, что институт права испытывает негативное влияние социального пессимизма, низкого институционального недоверия в том смысле, что среди россиян 29 % поддерживают идею сильной коррумпированности судей, 25 % - ответственных работников прокуратуры. [4, с. 115]

Таким образом, если по отношению к институту права сложился консенсус, что не отрицается его необходимость как института контроля в сфере отношений личности и государства и внутри государства и критические замечания отосланы к тем, кто недолжным образом выполняет государевые обычаи и использует институт права как должностную ренту, то сфера межличностных отношений остается вне этого поля, поскольку институт права не имеет мягкой институциональной среды, связанной с гражданскими правами как медиаторными между политико-публичным дискурсом и приватной сферой.

Обращение к архаичным образцам, таким образом, играет замещающую, компенсирующую роль, роль идентификатора или конструирует коллективные притязания. Это особенно проявляется на уровне разрешения этнических, территориальных конфликтов, но также может переноситься и в сферу оценки правового поведения. Важно подчеркнуть, что правовое поведение в основном ограничивается констатацией недопущения конфликтов с законом, но не нацелено на расширение окна возможностей права в реализации интересов россиян. Также следует отметить, что 36 % россиян придерживаются современной позиции на институт права, на универсализм правовых норм, когда связывают демократию с общественным устройством, в котором все, независимо от своего положения в обществе, обязаны соблюдать законы. [4, с. 42]

Возможности допустимости архаизации правового поведения заключаются в том, что 30 % россиян являются патерналистами, нацелены на ожидания заботы государства о гражданине, а 29 % ставят

необходимостью контроль деятельности власти. Парадоксально, но здесь проявляется антиномичность общественного сознания, нереализуемость ожиданий продуцирует готовность к принятию форм, ориентированных на следование определенным образцам (взаимопомощи, создание групп давления), и в этом смысле могут актуализироваться элементы архаичности.

Литература

1. Гудков Л. Проблема абортивной модернизации и мораль. М., 2008.
2. Федотова В. Русская партия как противостояние хаосу // *Политический класс*. 2005. № 1. С.96–108.
3. Дискин И. Россия, которая возможна. М. : «ЮРИСТ», 2011. – 175 с.
4. *Общественное мнение – 2015*. М.: Левада-Центр, 2014. – 234 с.
5. *Рациональность на перепутье*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 368 с.
6. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой*. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
7. *Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики*. М., 2002.
8. Горшков М.К. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков*. – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.

Literature

1. Gudkov L. *the problem of abortive modernization and morality*. М., 2008.
2. Fedotova V. *Russian party as opposition to chaos // Political class*. 2005. No. 1. P. 96–108.
3. Diskin I. *Russia, which is possible*. М.: "LAWYER", 2011. – 175 p.
4. *Public opinion-2015*. Moscow: Levada Center, 2014.– 234 p.
5. *Rationality is at a crossroads*. М.: "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. – 368 p.
6. North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history [Text] / per.from English. D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskova, A. Raskova*. М.: Izd. Gaidar Institute, 2011.– 480 p.
7. *Where goes Russia? Formal institutions and actual practices*. М., 2002.
8. Gorshkov M. K. *Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics) / M. K. Gorshkov*. - Moscow: New chronograph, 2011. – 672 p.